

Натали Рош

КЛЮВ
СУДЬБЫ

Натали Рош

Клюв судьбы

<https://litres.ru/74359297>

SelfPub; 2026

Аннотация

Действие разворачивается в наши дни, в провинциальном городке, где зима напоминает не сказку, а затяжной тест на выживание.

Он, Она и... Попугай. Попугай Лекс. В прошлом — Темный Властелин, гроза миров и повелитель хаоса. В настоящем — существо с клювом, дурным характером и неожиданной тягой к документалкам.

Лекс читает местную литературу, презирует зерновой корм, смотрит ток-шоу с видом уставшего императора и невольно становится катализатором всего, что происходит между двумя людьми.

Его мучает собственное прошлое, в котором он был всемогущ и оттого чудовищно одинок. А еще — быт, который сильнее любого колдовства. Кухонные разборки, телевизор, привычка людей тратить время на ерунду. И, наконец, он сам: Темный Властелин, который впервые за сотни лет не знает, чего хочет больше — вернуть трон или остаться там, где ему наливают чай без просьбы.

Что делать, если величайшее заклинание в твоей жизни — это не подчинение миров, а простая фраза: «Ты дома, не надо ничего бояться»?

Содержание

Глава 1. В которой Лекс падает с небес и познает дно	5
Глава 2. В которой Лекс познает силу кофе, слабость плоти и ужас реалити-шоу	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Натали Рош

Клюв судьбы

Глава 1. В которой Лекс падает с небес и познает дно

Зима в тот год выдалась не просто холодная, а какая-то концептуально злая. Словно небесная канцелярия перепутала файлы и загрузила в реальность настройки «ледниковый период», забыв прикрутить обратно мамонтов.

Мороз рисовал на стеклах не кружева, а, скорее, предупреждающие знаки: «Не высовывайся».

Агата стояла у окна, закутавшись в плед, похожий на шкуру неопределенного, но очень теплого зверя, и смотрела на растущий сугроб, который медленно, но верно скрывал под собой ее припаркованную под окном «Мазду».

Марат, которого она в минуты нежности или раздражения, то есть почти всегда, звала Мариком, сидел на кухне и с видом победителя по жизни собирал столетний советский пылесос «Чайка». Пылесос сопротивлялся.

— Марик, — не оборачиваясь, произнесла Агата, и ее голос прозвучал как-то слишком уж буднично для следующих слов, — а там, на подоконнике, кажется, труп.

Марик крикнул и уронил щётку.

— Чей? — спросил он с сомнением в голосе.

— Птичий, кажется. Сейчас посмотрю.

С этими словами Агата открыла балконную дверь. Морозный воздух, остервенело завывая, ворвался в квартиру, принося с собой запах снега, выхлопных газов и чьего-то несостоявшегося счастья.

На железном, заиндевевшем подоконнике, растопырив в стороны два огромных, цвета запекшейся крови и закатной синевы, крыла, лежало нечто. Оно было размером с некрупного бройлера, которого переехал грузовик с перьями. Голова со скрюченным черным клювом безвольно свесилась вниз, глаз, казалось, смотрел в самую вечность с немим укором.

— Ох, ничего себе, — выдохнула Агата. — Марик, это попугай. И он, по-моему, всё.

— Жаркое? — с надеждой спросил Марик, подходя сзади с отвёрткой наизготовку.

— Это ара, — Агата осторожно, кончиком пальца, ткнула птицу в бок. — Красный ара. Если он сдох на нашем подоконнике, это знак.

— К обеду? — уточнил Марик.

В этот момент птица дернулась. Дернулась так, словно через нее пропустили двести двадцать вольт, а потом заставили прослушать весь плейлист Стаса Михайлова. Из полуоткрытого клюва вырвался звук, похожий одновременно на скрип

несмазанной двери в склепе и на писк модема из девяносто восьмого года.

— Пррррекрррати! — проскрежетала птица голосом, каким обычно разговаривают очень старые и очень злые директора школ.

Попугай поднялся, как поднимается восставший из мертвых злодей в плохом ужастике: сначала дернул одной лапой, потом второй, потом страшно, со щелчком, повернул голову на сто восемьдесят градусов, сфокусировал мутный, налитый багровым глаз на замершей парочке и сказал:

— Смертные. Плохие новости.

Агата, не будь душой, снова захлопнула балконную дверь. Прямо перед носом у птицы.

— Марик, — сказала она ледяным голосом, не уступающим по температуре морозу за стеклом. — Оно говорит.

— Ага, — кивнул Марик, почесывая затылок. — Порусски. С акцентом, правда, каким-то... потусторонним. Ты уверена, что это ара, а не свёкор моей сестры в новом воплощении?

Попугай за дверью тем временем, шатаясь, как пьяный матрос, добрал до стекла, прижался к нему клювом и заорал уже громче, с отчетливыми истерическими нотками:

— Катастрофа! Это катастрофа! Меня зашвырнуло в эту дыру без магического фона! Я — Лекс! Вечный! Повелитель Семи Гроз и Черной Искры! Властелин! А тут...

Он попытался картинно взмахнуть крылом, поскользнул-

ся на льду и шлепнулся пузом в сугроб. Из сугроба донеслось приглушенное, но полное достоинства:

— Однако, как ни странно, пить хочется. И жрать. Позорrrr!

Они, конечно, впустили его. Не из жалости. А из любопытства. Агата — потому что обожала все странное и выбивающееся из серой канвы реальности. Марик — потому что ему вдруг страшно захотелось посмотреть, что будет, если эта птица попробует его ром и начнет комментировать футбол.

Лекс был по-настоящему жалок. Огромный, мокрый, облезлый, он сидел посреди кухни на табуретке, закутанный в старое вафельное полотенце, и пил из блюдца чай с ромом, который ему подсунул Марик, жестом фокусника, достающего кролика из шляпы.

— Ну, рассказывай, Властелин, — Агата оперлась подбородком на сплетенные пальцы и уставилась на него с неподдельным интересом. — Как ты дошел до жизни такой?

Лекс сделал еще один судорожный глоток, и его черный язык мелькнул, как у рептилии. Он поднял на нее глаза, и в них на мгновение промелькнуло нечто такое, от чего у Агаты по спине пробежал холодок, не имеющий к сквозняку никакого отношения. Нечто древнее, гордое и бесконечно усталое.

— Глупость, — коротко бросил он. — Банальная, пошлая, не достойная моего интеллекта глупость. Я работал с заклин-

нанием трансгрессии материи. Хотел создать армию непобедимых големов, слепленных из чистой ненависти и базальта. И, как последний... червь, перепутал вектор. Вместо того чтобы вытянуть базальт из недр в мой мир, я выдернул себя в этот. В мир, где магия мертва. Где в эфире только радиоволны. Это пытка.

Марик хрюкнул.

— Слышала? — повернулся он к Агате. — Дорогая, по моему, это начало прекрасной дружбы.

Лекс дернул головой, чуть не свернув шею, и впился в Марика взглядом.

— Дружбы? — прошипел он, и перья на его загривке встали дыбом, придавая ему сходство с рассерженным индейцем и ежиком одновременно. — С тобой, смертный? Ты — просто мешок с костями, временно снабженный мозгом, который, как я подозреваю, нечасто используешь по назначению!

— Обижаешь, — Марик отхлебнул чай. — Я им хотя бы иногда думаю о пиве. А это высшая форма медитации для моего уровня развития.

Лекс несколько секунд сверлил его взглядом, а потом издал звук, подозрительно похожий на сдавленное чихание. Возможно, это был саркастический смех. Или он просто поперхнулся ромом.

Агата не смогла сдержать улыбку. Происходящее было настолько абсурдным, что казалось единственно правильным сценарием для их с Мариком жизни. Мужчина с отвёрткой,

женщина с циничной улыбкой и падший темный властелин в вафельном полотенце.

— И что ты планируешь делать дальше, Великий Лекс? — спросила она, не давая двум самцам выяснить, кто круче, на кухне в тринадцать квадратных метров.

Попугай замолчал. Он вытянул шею, уставился в окно, за которым кружили редкие, вялые снежинки, и тяжело, как-то по-стариковски вздохнул.

— А что мне делать? — произнес он на удивление тихо, и в голосе его прорезалась такая вселенская тоска, что даже Марик отложил отвёртку. — Магия не работает. Мощь рассеяна. Я заключен в теле, способном только орать и гадить. Осталось одно: постигать убогость вашего мира. Читать вашу плохую литературу. И, возможно, — он скосил багровый глаз на бутылку рома, — пить. Много пить. До самого конца.

Стало тихо. Только холодильник жужжал, словно ворчал о чем-то своем, холодильном.

А потом Агата сделала то, чего Лекс не ожидал. Она рассмехалась. Не зло, не обидно. А звонко, переливчато, как будто занавеска, сорвавшаяся с карниза и разбившая любимую вазу, оказалась вдруг соткана из чистого света.

— Ну что ж, — сказала она, отсмеявшись, — добро пожаловать в наш мир, Лекс. Смотри не обделайся от счастья. В буквальном смысле.

Лекс хотел было возмутиться, но икнул. Он понял, что, кажется, в этом доме будет веселее, чем при падении Трех

Темных Башен. Хотя бы потому, что умирать от скуки ему тут точно не придётся.

Где-то в глубине его птичьего сознания, там, где еще тлела искра его былой, испепеляющей гордости, он уже начал ткать новое, страшное заклинание.

Марик, словно прочитав его мысли, подвинул к нему печенье и вдруг спросил:

— Слушай, Лекс, а ты можешь научить наш тостер поджаривать хлеб с одной стороны, а с другой оставлять нетронутым? А то у Агаты вечно пригорает.

Лекс посмотрел на тостер. Потом на Марика. Потом на свои убогие, мокрые лапы.

И понял, что пропал. Он вляпался.

Глава 2. В которой Лекс познает силу кофе, слабость плоти и ужас реалити-шоу

Кофеварка — это адская машина, стоящая на кухонном столе, издающая звуки, достойные предсмертной агонии механического дракона.

Лекс, спавший (или, вернее, медитировавший в позе оскорбленного божества) на спинке старого кресла, подскочил, взмахнул крыльями, снес настольную лампу и едва не врезался в люстру. У него было видение, что сама реальность пытается вытрясти из него остатки былого величия.

— Что?! Где?! Кто посмел?! — заорал он, вращая головой на триста шестьдесят градусов, как сломанная карусель.

Агата, стоявшая у кофеварки в мужской рубашке до середины бедра и с растрепанными волосами, даже не обернулась. Только лениво махнула рукой:

— Заткнись, пернатый. Кофе варится.

— Кофе? — Лекс приземлился на край стола, чуть не поскользнувшись на глянцевой поверхности. — Это что, ритуал? Жертвоприношение? Почему оно так воет?

— Потому что оно, как и все мы, ненавидит утро, — зевнул Марик, появляясь из спальни в трусах с покемонами. — И потому что оно старое, а я все никак не куплю новое.

Лекс скептически наблюдал, как Агата наливает в кружку черную, дымящуюся жидкость. Его ноздри (насколько это возможно у попугая) затрепетали. Запах был... неожиданным. Глубоким. Будоражающим. Чем-то средним между горелой травой и раскаленным металлом, но с оттенком, который почему-то напоминал ему о подземных кузницах его родного мира.

— Дай, — потребовал он.

— Чего? — Агата подняла бровь.

— Этого варева. Немедленно.

Агата переглянулась с Мариком. Марик пожал плечами:

— Ну, дай. Если ему это жизненно необходимо. Хотя, с другой стороны, если у него и так скверный характер, то кофеин может создать черную дыру у нас на кухне. И не в переносном смысле.

Агата, не слушая, плеснула немного кофе в блюдо и поставила перед попугаем. Лекс наклонился, подозрительно разглядывая жидкость. Потом с достоинством, словно пробуя яд на предмет его пригодности для отравления врагов, сделал глоток.

Тишина. Потом еще один глоток.

Лекс замер. Его глаза медленно расширились, зрачки сузились в точки, а перья на голове встали дыбом, образуя нечто вроде растрепанного ирокеза.

— Это... — прошептал он хрипло. — Это вы называете жизнью?

— Не совсем, — Агата сделала глоток из своей кружки.
— Но без этого жизнь не начинается.

— Я понял, — Лекс выпрямился, и в его позе появилось что-то от прежнего величия. — Я понял вашу цивилизацию. Вы — рабы темного зелья, которое дарует вам иллюзию могущества. Хитро. Очень хитро.

Марик фыркнул в свою кружку.

— Подожди, он сейчас еще с сахаром попробует и вообще переосмыслит бытие.

— Сахар? — Лекс встрепенулся. — Это что, усилитель?

— Это яд для фигуры, — Агата кинула ему крошечный кусочек сахара-рафинада. — Но ты и так не в форме.

Лекс с достоинством проигнорировал оскорбление, схватил сахар лапой, поднес к клюву, попробовал...

Где-то в его темной душе что-то щелкнуло. Если кофе был для него откровением, то сахар стал божественным откровением. Это было похоже на то ощущение, когда он впервые подчинил себе легион демонов. Только вкуснее.

— Еще, — выдохнул он. — Еще этой белой смерти.

— Вот и подсел, — резюмировал Марик. — Через неделю будет сидеть на подоконнике, требовать капучино с корицей и жаловаться, что пенка недостаточно шелковистая. А через месяц откроет свой блог о выживании в дикой среде.

Лекс не слушал. Он боролся с сахаром, как с равным противником, разбрасывая крошки по столу и издавая звуки, похожие на мурчание помойного кота, дорвавшегося до сме-

таны.

К полудню того же дня Лекс узнал, что такое телевизор.

Агата ушла на работу, Марик закрылся в своей мастерской (он чинил старые радиолы и клялся, что это искусство), а Лекс остался один. В квартире было тихо, только где-то за окном гудел город, этот гигантский, бессмысленный улей, в котором не было ни магии, ни достоинства.

Лекс сидел на подлокотнике дивана, глядя на черный прямоугольник. Марик, уходя, сунул ему пульт и сказал:

— Держи. Если заскучаешь, нажми красную кнопку. Только не пугайся.

Лекс долго смотрел на пульт, как на артефакт неизвестного происхождения. Потом нажал красную кнопку.

Экран вспыхнул.

— Дорогие друзья! — завопил женский голос с такой фальшивой радостью, что у Лекса заложило уши. — Сегодня в нашей студии мы обсудим, как понять, что ваш мужчина вам изменяет, по семнадцати признакам!

На экране появилась троица существ: женщина с настолько натянутым лицом, что казалось, она вот-вот зажмурится и улетит, мужчина с прической, напоминающей результат неудачного эксперимента с наэлектризованной кошкой, и эксперт, который выглядел так, словно его только что откопали и не успели отряхнуть.

Лекс моргнул. Потом еще раз.

— Что это? — спросил он пустую комнату.

— А теперь, — продолжала ведущая, — давайте посмотрим на реальную историю нашей героини! Она подозревает, что ее муж изменяет ей с ее же подругой!

Лекс, который за свою долгую и мрачную жизнь видел пытки, мятежи, некромантские оргии и корпоративы темных властелинов, вдруг понял, что его, возможно, настигло самое страшное испытание.

Он попытался переключить канал. Кнопка не поддавалась. Он нажал сильнее. Канал сменился.

— Сегодня мы узнаем, — вещал голос за кадром, — правда ли, что картофельные очистки могут заменить пластическую хирургию!

Лекс нажал еще. Еще.

Сериал про врачей, где умирающие пациенты попутно выясняли отношения. Сериал про полицейских, где ловили маньяка, который попутно выяснял отношения. Сериал про вампиров, которые попутно...

— Вампиры! — вскричал Лекс, вцепившись в пульт. — Наконец-то! Хотя что-то знакомое!

На экране симпатичный юноша с идеальной укладкой и накладными клыками томно произнес:

— Я не могу быть с тобой, потому что я опасен...

Лекс издал звук, похожий на кашель пылесоса.

— Опасен? — прохрипел он. — Ты даже не можешь нормально прическу удержать в боевом режиме! У тебя клыки, как у котенка! Да я в твоём возрасте уже три мира сжег и

один заморозил!

Он швырнул пульт на пол. Пульт отскочил и сменил канал.

— А теперь, — мурлыкала экранная дама, — эксклюзивное интервью с участницей, которая похудела на восемьдесят килограммов, питаюсь только воздухом и обидой на бывшего!

Лекс замер.

— Питаюсь... обидой? — переспросил он, наклоняя голову. — Это же... это же базовая некромантия! Подождите. Подождите!

Он спрыгнул с дивана, неуклюже прискакал к экрану, уткнулся клювом в стекло.

— Как она это делает? Объясни! Какая концентрация ненависти на грамм обиды? Какой коэффициент?

На экране женщина со слезами на глазах рассказывала, как бывший муж ушел, а она, вместо того чтобы страдать, занялась спортом. Лекс слушал, как загипнотизированный.

— Спорт? — вдруг переспросил он. — Что такое спорт?

На экране появился зал. Мужчины и женщины в обтягивающих костюмах поднимали железные палки, бегали на месте, как сумасшедшие, и при этом имели лица людей, которых вот-вот казнят, но они не против, потому что «надо».

— Попытки? — Лекс склонил голову набок. — Нет. Добровольные попытки? Зачем? Чтобы получить... тело? Но зачем его мучить?

Он вдруг осознал, что разговаривает с телевизором и не

получает ответа. И это было, пожалуй, самое унижительное за весь день.

Вечером, когда Агата вернулась с работы и застала Лекса перед включенным телевизором в полной прострации, она спросила:

— Ну что, повелитель семи гроз, как прошел день?

Лекс медленно повернул голову. В его глазах отражался экран, где в этот момент рекламировали чудо-швабру с функцией левитации.

— Я видел бездну, — прошептал он. — У вас тут не информационное поле. У вас тут свалка психических отходов. Я думал, что повидал все, но...

— А ты досмотри до вечера, — Агата скинула сапоги. — Сейчас начнется что-нибудь прекрасное. Про экстрасенсов, которые решают вопросы с мертвыми.

— Колдуны? — Лекс встрепенулся. — Здесь есть колдуны?

— Ага, — Агата прошла на кухню, поставила чайник. — Сейчас увидишь, как они общаются с духами. Держись за что-нибудь.

Лекс снова повернулся к экрану. И когда на экране появилась женщина с бровями-ниточками, которая закатывала глаза и вещала о том, что «видит вашего дедушку, и он передает вам, что недоволен ремонтом», Лекс понял: если он сможет выжить в этом мире, он сможет все. Даже снова стать темным властелином. Но сначала — эта швабра. Она левити-

тирует. Он должен понять, как.

— Ну и где твой хваленый ужас? — Агата сидела на диване, болтая ногами.

Марик в кресле ковырялся в старой магнитоле.

Лекс сидел на подоконнике, уставившись в темноту за окном.

— Внутри меня, — мрачно ответил он. — Твой ящик пробудил во мне нечто... непотребное.

— Это нормально, — зевнул Марик. — Мне после двух часов телевизора тоже хочется то ли убивать, то ли плакать. А иногда и одновременно.

— Нет, — Лекс вдруг обернулся, и в его круглом зрачке блеснул отблеск уличного фонаря, как уголь в костре. — Я говорю о другом. Я говорю о том, что я начинаю... адаптироваться. И это самое страшное.

Агата и Марик переглянулись.

— В смысле? — осторожно спросила Агата.

— В смысле, — Лекс вздохнул, и этот вздох был полон древней, необъятной тоски. — Я поймал себя на мысли, что хочу посмотреть, чем закончится эта история про тётку с обидой и спорт. Мне не все равно. Мне, бывшему владыке семи гроз, стало любопытно, сможет ли она найти любовь после всего.

Марик медленно отложил отвертку и произнес с благоговейным ужасом:

— Братан. Ты попал.

Лекс обреченно кивнул:

— Знаю.

Агата рассмеялась, запрокинув голову. Смех ее рассыпался по комнате, как солнечные зайчики по старой мебели.

Лекс посмотрел на нее и вдруг почувствовал что-то странное. Что-то, чему он пока не знал названия. Но точно знал: в его старом, покрытом перьями и проклятиями сердце открылась какая-то новая дверь. И за ней было не темно. А, кажется, даже смешно.

Марик снова взял отвертку и пробурчал себе под нос:

— Властелин, говоришь. А через месяц будешь с Агатой сериалы обсуждать и осуждать героев.

— Через месяц? — Лекс фыркнул, но как-то неуверенно.
— Да никогда.

Через две недели он уже орал на экран:

— Ну почему ты выбрала этого?! Он же тебе в отцы годится! У тебя что, глаз нет?!

Агата хохотала так, что упала с дивана.

Марик, не отрываясь от паяльника, констатировал:

— Один из нас сошёл с ума. Окончательно и бесповоротно.

Лекс, осознав, что его только что застучали за просмотром любовной драмы, сделал вид, что просто прилетел снять лапой невидимую пылинку с телевизора. Но всё и так было понятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.